

(ст. 207³ УК РФ). Далее в эту статью дважды вносились изменения, направленные на защиту от распространения заведомо ложной информации об осуществлении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации, а также об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации.

2. Призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка.

3. Распространение материалов террористическими и экстремистскими организациями.

4. Призывы к совершению самоубийства.

5. Пропаганда криминального образа жизни.

6. Пропаганда потребления наркотических средств и психотропных веществ.

7. Распространение иной противоправной информации.

В связи с актуальностью противодействия перечисленным угрозам целесообразно наметить следующие направления криминологических исследований и совершенствования средств предупреждения преступлений:

разработка криминологических методик оценки масштабов и потенциальных социальных последствий распространения различных видов деструктивной информации с последующим обоснованием решений по криминализации;

исследование влияния распространения различных видов противоправной информации на социальные процессы, социальные группы и отдельно взятых людей, в том числе возможности криминогенного «заражения»;

выявление факторов, способствующих появлению новых и увеличению масштабов существующих контентных угроз;

криминологическое изучение личности преступника, вовлеченного в процессы распространения противоправной информации, в том числе мотивации его действий;

меры предупреждения криминальных последствий и криминогенного эффекта информационно-психологического воздействия на личность и общество, разработка средств минимизации такого воздействия (средств контрпропаганды).

УДК 343.541 + 343.97

В.В. Стальбовский

МЕТАКРИМИНОЛОГИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ)

Метафизика, метавселенная, метаотношения, дополненная реальность, виртуальное пространство – сегодня это не просто слова, это прочно укоренившиеся в жизни и сознании людей вещи, о которых нужно говорить и писать. Но о них лишь больше рассуждают и редко пишут. В рамках гуманитарных наук правоохрнительного блока отсутствует научное осмысление этого направления. Хотя уже практически по всем видам преступности, которая изучается криминологией, на сегодня в их криминологическую характеристику должны анализироваться и включаться научным сообществом эти важнейшие, на наш взгляд, разновидности совершенно новых общественных отношений. Без них невозможно дать полную и достоверную характеристику преступности. В связи с этим в настоящее время криминология стоит на пороге следующего шага ее эволюции, а точнее, этот шаг сделан, но не в плоскости научного переосмысления. Мы постараемся дать ответ почему и в каком ракурсе это стало возможным.

Сегодня криминология как наука вышла за пределы объема новых знаний, которые накопились. С.Е. Данилюк в статье «Право как выражение универсальной меры регулирования: теоретико-конституционные аспекты» подчеркивает: «С точки зрения современной философии мера – это категория, выражающая диалектическое единство качественных и количественных характеристик объекта; мера указывает предел, за которым изменение количества влечет за собой изменение качества объекта и наоборот; мера – это своего рода зона, в пределах которой данное качество может модифицироваться, сохраняя при этом свои существенные характеристики».

Итак, нарушение меры влечет качественное изменение предмета или явления, переход его в иное состояние, отличное от прежнего.

Ч. Бекариа в своем знаменитом трактате «О преступлениях и наказаниях» пишет: «Законы суть условия, на которых люди, существовавшие до того независимо и изолированно друг от друга, объединились в общество». Соответственно, преступность есть продукт общества, конечный ценный продукт криминализации, возникший в ходе взаимодействия индивидов, естественно учитывая социологическое направление. Данный продукт имеет динамичную конструкцию.

Таким образом, изменение имманентного содержания социального явления преступности, способов совершения, ментальной характеристики личности совершающего преступления, и, что самое главное, изменения количества и качества знаний, определяющих чувство меры, не могут не повлиять на образование совершенно новой области криминологии, точнее ее новейшей структуры или совершенно нового раздела – метакриминологии. Почему «мета»? Все просто.

Приставка мета (с греч. μέτα – между, после, через) – абстрагированность, обобщенность, промежуточность, следование за чем-либо, переход к чему-либо другому, перемена состояния, превращение.

Метавселенная – постоянно действующее виртуальное пространство, в котором люди могут взаимодействовать друг с другом и цифровыми объектами, используя свои аватары и технологии виртуальной реальности. Взаимодействие может осуществляться с помощью разных технологических приспособлений, традиционных персональных компьютеров, с гарнитурами виртуальной и дополненной реальности. Метавселенные в некоторой ограниченной форме уже присутствуют на таких платформах, как VRChat и Decentraland, или в видеиграх, таких как Second Life.

Поэтому можно сказать, что есть и уже в сущности своей соответствует многим стандартам метавселенной такое понятие, как «метакриминология». Она представляет собой естественный переход знаний (эволюцию) о сущности преступности из количества в качество, в качественно новое направление, обусловленное временем, объемом знаний, опыта, трансформацией общественных отношений и смещением их в виртуальную среду.

Сегодня речь идет о реконструкции криминологической, прежде всего преступности против половой свободы или половой неприкосновенности несовершеннолетних. Мы не до конца разобрались с криминологическим понятием этой преступности, но она уже успела трансформироваться в следующую более изоциренную и сложную сферу деструктивного поведения, подключив ресурс метавозможностей телекоммуникационной и информационной среды. В УК есть глава, конкретные составы преступлений, в 2014 г. издана монография по преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних под общей редакцией В.М. Хомича. Не прошло более 10 лет и ситуация изменилась коренным образом. Система, угрожающая половому развитию несовершеннолетних, половой деградации мужчин и женщин в этой области, переместилась в виртуальное пространство, виртуальную среду, метаобласть «настоящей жизни», без которой уже не может быть современной реальности.

Например, в Российской Федерации написана докторская диссертация «Уголовно-правовая модель защиты телекоммуникаций от преступных посягательств: проблемы теории и практики» Д.В. Пучкова, в которой речь идет о выходе на систему очень гибкой криминализации тех преступлений, которые уже вошли в сеть Интернет. Следовательно, таким образом сделана первая попытка представить будущим исследователям, куда надо двигаться, в том числе как нужно понимать и выстраивать современную профилактическую и предупредительную деятельность в данной области. Соответственно, когда изучается умысел в виртуальном пространстве, сегодня уголовно-правовая наука четко различает уголовно-правовое понятие преступности и криминологическое.

Нам видится это очень удачным выходом. Может быть интуитивно большинство современных ученых, в особенности новой формации, почувствовали видоизменение в этой систематике криминологической, что очень ценно.

Речь идет о конструировании на основе виртуальности коммуникационной, которая приобретает деятельно угрожающий характер в растлении полового воспитания человека. А это тонкая грань. С полового акта начинается жизнь и современный мир пошел дальше, чтобы использовать новое в своих интересах, не совсем соответствующих праву. Мы понимаем, что это люди с психическим отклонением и т. д. Но все это нуждается в серьезном изучении. Диссертация «Предупреждение преступности против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних» В.В. Стальбовского – это всего лишь один шаг в данном направлении, попытка разрушить стереотипы и уйти от маргинальности понимания всех описанных процессов, представить это достаточно серьезным научным осмыслением в криминологическом, а уж потом в уголовно-правовом значении. Это очень важно. В настоящее время существует много интересных работ, с которыми можно будет связать модернизацию научного поиска и выход на оптимальную модель предупреждения педопреступности.

Тем не менее сегодня важно говорить о необходимости внедрения в научно-терминологический пласт следующих важных дефиниций, обусловленность которых выражена развитием метаотношений и формированием тем самым метакриминологии:

интернет-сообщество педофилов – группа индивидов, функционирующих в сети Интернет, объединенных целью оправдать педофилию как общесоциальное естественное явление (признание педофилии сексуальной ориентацией), для каждого члена которой характерно отклоняющееся сексуальное влечение к несовершеннолетним, созданной для обмена материалами или предметами порнографического характера в файлообменных пиринговых сетях, тактикой и методами вербовки жертв, определения приемлемых мест для возможных сексуальных контактов с несовершеннолетними, разработки способов совершения и сокрытия своей противоправной деятельности, определения мер противодействия правоохранительным органам и линии поведения при их задержании;

педопреступность – массовое, исторически изменчивое, негативное социальное явление, характеризующееся совокупностью преступных деяний и действий, противоречащих нормам морали и устоявшимся традициям общества, совершенных лицами с отклоняющимся сексуальным влечением к несовершеннолетним, на определенной территории за определенный период времени;

интернет-импакт несовершеннолетних – процесс вербального и невербального воздействия преступника на несовершеннолетнего, включающий в себя алгоритмы, приемы и способы, используемые в открытом и закрытом интернет-сегменте. Данный процесс направлен на совершение преступлений либо иных противоправных действий путем формирования инициатором зависимого состояния объекта воздействия с целью его открытой или латентной эксплуатации;

виртуальная профилактика преступности – система мер в виртуальной среде (сети Интернет), принимаемых специальными уполномоченными государственными субъектами, а также негосударственными институтами (профессиональными и непрофессиональными пользователями), осуществляемая в рамках нейтрализации и превенции негативных явлений (деструктивной информации и преступных действий) с помощью специальных и общих мер, направленная на снижение возможных рисков успешного осуществления любых противоправных действий с целью реализации преступного умысла в рамках возможных в настоящее время составов, предусмотренных уголовным законом, на которые возможно допустимое и пост-преступное влияние.

Факт, подтверждающий появление нового раздела или отрасли знания в метакриминологии на примере половых преступлений в отношении несовершеннолетних, обусловлен следующими «маяками» и процессами современной реальности:

подавляющее большинство фактов – установление первого контакта преступника и жертвы в виртуальной среде (до 90 % случаев);

теория привития обществу приемлемости педофилии через теорию Овертона и естественно через виртуальную среду как один из факторов реально существующей угрозы;

новый способ подготовки преступления – обособленный интернет-средой (использование чат-ботов для подбора, вербовки жертвы);

повышенные виктимологические особенности, обособленные исключительно виртуальной реальностью (интернет-аддикция);

виртуальная среда – временный заменитель и раздражитель реального контакта с жертвой;

зарождение нового типа преступника-педофила – виртуальный;

использование специальных возможностей программного обеспечения в предупреждении данного вида преступности – CPS.

Впервые в отечественной науке мы можем сформулировать определение метакриминологии – это социально-правовая наука, имеющая теоретический и прикладной характер, изучающая процессы взаимодействия виртуального и реального мира, в ходе которого образован новый пласт знаний о преступности, личности преступника, причинах и условиях преступности, предупреждении преступности в рамках существования метавселенной как неотъемлемой части современной жизнедеятельности общества, обусловленной развитием виртуальной реальности и последствиями ее укоренения в уклад индивидов, без которого они не могут существовать, в том числе в рамках допреступной, преступной и постпреступной деятельности, обуславливающей их мотивацию (криминальную мотивацию в рамках индивидуального преступного поведения).

УДК 343.8

Е.Г. Терешенко

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК

Обязательным элементом системы определения эффективности в любой деятельности является цель. Без наличия цели невозможно определить, насколько эффективна та или иная деятельность. В итоге возникает вопрос: что именно является целью исполнения наказания? Логичным было бы предположить, что данные цели закреплены в УИК Республики Беларусь. Однако, как показал анализ нормативных правовых актов, в законодательстве есть серьезный пробел: ни в УИК Республики Беларусь, ни в иных нормативных правовых актах не указано, какие цели перед собой имеет исполнение наказания.

В ст. 7 УИК Республики Беларусь, основного нормативного правового акта, регулирующего общественные отношения в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности, закреплена цель в виде исправления осужденных и предупреждения совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами. Однако вышеуказанные элементы закреплены в УИК Республики Беларусь в качестве цели применения, но не цели исполнения наказания.

В данном случае важно понимать разницу, что исполнение – это форма реализации права, подразумевающая совершение субъектом (администрацией исправительного учреждения) активных действий, в то время как под применением понимается активная властная деятельность государства в лице его компетентных органов по разрешению конкретного юридического дела. Таким образом, когда говорится о применении наказания, фактически имеется в виду назначение наказания судом. Исходя из этого, можно сделать вывод, что положения ч. 1 ст. 7 УИК Республики Беларусь не устанавливают целей исполнения наказания, а в лучшем случае пересекаются с положениями ч. 2 ст. 44 УК Республики Беларусь. Следует отметить, что положения ч. 2 ст. 44 УК Республики Беларусь имеют более широкий смысл, так как обозначают цели уголовной ответственности, в том числе наказания в целом, таким образом устанавливая для них цели во всех их аспектах: применения (назначения), исполнения, закрепления результатов в постпенитенциарный период.

Следовательно, можно заключить, что ч. 2 ст. 44 УК Республики Беларусь является нормой права, регулирующей более широкий спектр общественных отношений, составной частью которого являются общественные отношения, урегулированные ч. 1 ст. 7 УИК Республики Беларусь. Однако ч. 1 ст. 7 УИК Республики Беларусь не отражает тех целей, которые должны быть закреплены в УИК Республики Беларусь. Это обусловлено тем, что УИК Республики Беларусь является основным нормативным правовым актом, регулирующим общественные отношения не в области применения наказания и иных мер уголовной ответственности, а в области их исполнения. Устранив этот пробел посредством установления в УИК Республики Беларусь целей исполнения наказания, будет возможно рассуждать о его эффективности.

На основании вышеизложенного, в связи с тем, что УИК Республики Беларусь является нормативным правовым актом, регулирующим общественные отношения, связанные с наказанием в аспекте его исполнения, предлагаем внести изменения в ч. 1 ст. 7 УИК Республики Беларусь, заменив слово «применение» словом «исполнение».

Другой аспект, на который, на наш взгляд, следует обратить внимание, заключается в определении исправления осужденных, приведенном в ч. 2 ст. 7 УИК Республики Беларусь. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 7 УИК Республики Беларусь исправление осужденных – это формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни. В результате буквального толкования данной нормы возникает вопрос: что подразумевается под формированием – процесс или конечная цель? Это обусловлено тем, что слово «формирование» имеет два значения: процесс и результат. На аналогичной проблеме в УИК Российской Федерации делал акцент Ю.М. Ткачевский, который отмечал, что по сути в законе определяется даже не понятие исправления, а процесс его осуществления: «формирование», «стимулирование», а не достижение какого-то определенного результата. Внесение ясности в данном случае играет большую роль, так как в качестве цели не может выступать процесс, цели должен соответствовать какой-либо результат. В связи с этим полагаем, что целесообразно было бы заменить в ч. 2